

*#YOUNG
DETECTIVE*

ЭЛ РИГБИ

*Уди
на мой
голос*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
Р49

Ригби, Эл.
Р49 Иди на мой голос : роман / Эл Ригби. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 576 с. — (#YoungDetective).

ISBN 978-5-17-110818-2

Бал правит Леди — и Смерть идет рука об руку с ней. Лондон потрясают преступления, ставящие Скотланд-Ярд в тупик, а в колониальной Индии вспыхивают бунты, которые Крылатая Империя не может погасить.

Преступница прячет лицо и не оставляет улик, а только кровь и... старые ноты. И, даже объединив силы с частными детективами, полиция не может ее настичь.

Но кто-то все это время ведет свою игру. Спасает офицера в Агре, загадывает сыщикам загадки, сам дает подсказки, — но не выходит из тени. Он ищет Ее. Их связывают старая легенда и город-призрак, где случилась первая смерть. Пора делать ставки, что будет, когда Он выйдет на Ее след.

«Иди на мой голос» Эл Ригби — детектив, лишь притворяющийся детективом. Возможно, вы найдете убийц даже раньше, чем герои. Всех убийц, кроме дергающих вас за ниточки. Но тише... они рядом.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-110818-2

© Э. Ригби, 2012
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Выше, ближе к небесам.
Воплощенье верной чести,
Возводи строенье выше
На высоком, гордом месте,
От фундамента до крыши
Всё открытое ветрам.
Пыль подвалов любят мыши,
Вышина нужна орлам.*

*(Федор Сологуб.
Баллада о высоком доме)*

*Увертюра первая.
Увертюра смерти
(Апрель 1882 года, Бирмингем)*

Всех девочек, даже дурнушек, украшают подвенечные наряды, и она в глухом белом платье тоже стала почти красивой. Ею, такой спокойной и недвижимой, можно было любоваться, если только не смотреть на тонкие обнаженные руки.

Не помог даже похоронный грим: кожа, когда-то изуродованная пламенем, а теперь и реактивами, лопнула. На запястьях проступала обожженная плоть. Впрочем, мисс Лайт и так-то никогда не заботилась о нежности своей кожи. *Глухая, слепая девочка.*

Грим не спас и лицо, поэтому его закрыли кружевной вуалью. Зато локоны, стелясь по гробовой подкладке, вились маленькими змейками. Волосы великолепного медно-каштанового оттенка не потускнели даже сейчас. Их украсили бледно-желтыми нарциссами; ажурные, будто резные лепестки источали тяжелый аромат, разносимый ветром. В этом запахе было что-то от лакрицы. Лакрицы и Рождества, которое уже не наступит.

Фелисия умерла очень молодой, а для юности нет ничего таинственнее смерти. Почти каждая из столпившихся у гроба, шмыгавших на холоде носиками девушек-гимназисток невольно представляла, что было бы, если бы в разверстую мо-

Э. Рэдди

гильную яму погружали сейчас ее. У одних мысли были полны ужаса, и ужас отражался на побледневших, осунувшихся лицах. Других переполняло праздное любопытство, что тоже не могло ускользнуть от стороннего взгляда. Как сидел бы погребальный наряд, какие были бы цветы и много ли, кто из товарок плакал бы, кто лишился бы чувств...

Лоррэйн Белл не думала ни о чем. Она избегала смотреть на закрытое лицо. Металась взглядом от оборок платья к нарциссам и другим, тоже украшавшим гроб цветам. Золотые лилии, сорт с музыкальным названием «Аллегро». Фелисия любила их, и их же, судя по мемуарам, любила знаменитая изобретательница Джильо́ла Амэри и... кто-то еще. Да, точно, Фелисия рассказывала, когда была жива. А может, это было в одной из десятков книг, которые они прочли вместе, заедая прочитанное конфетами и яблоками?..

— Лори. — Рука в бархатной перчатке легла на плечо. — Готова?

Мисс Белл закусила губу, слушая голос классной дамы. Руку на плечо ей клали только два человека — покойный отец и один старый ирландец, хозяин книжной лавки, о котором она не хотела вспоминать по многим причинам. Лоррэйн угрюмо дернулась и пробормотала:

— Да.

Ее выпустили.

— Тогда пора.

Шаг по заиндевевшей, будто кружевной траве. Еще шаг. Пастор удивленно глянул поверх книги: почему к яме идет чужая девушка? Где мать покойной? Отец? Жених?..

Нигде, преподобный. Нет их, была только я.

Хорошо, что никто не заставил ее — единственную подругу покойной — говорить речь. И хорошо, что тело вообще хоронили по обряду, а не как *подобает в таких случаях*. Впрочем, провинциальный Бог был добрее лондонского. Он понимал, сколько горя упало на плечи Фелисии Лайт, и мог простить ее выбор, упокоить мятежную душу. Лори в это ве-

Уди на мой голос

рила. Она выдавила улыбку и бросила вниз мерзлую горсть земли.

— Спи, милая. Твоя музыка с тобой. Я буду тебя помнить.

Над Блумфилдом послышался низкий рев двигателя. Корабль, летевший с юго-востока, напоминал древний призрак — темное дерево, острые шпили мачт, белоснежные паруса-крылья. Королевский фрегат, не иначе. Такие здесь, в убогой дали, провожались особенно восхищенными взглядами. Девушки замерли с поднятыми головами, все до одной.

Корабль летел высоко. Никто не разглядел, как он называется. На самом деле, фамилий, выбитых золотыми буквами, было две, и вторая, итальянская, вряд ли сказала бы что-то юным, еще только начинающим жить англичанкам, получившим классическое пансионное образование. А вот Лоррейн она сказала бы о многом.

Увертюра вторая.
Увертюра пламени и снега
(Январь 1891 года, Вена)

Профессор Венской консерватории Флориан Кавелли расчесывал пышные седеющие бакенбарды. Для него это — как и порция хорошего вина — стало частью ритуала, необходимого для продуктивной ночной работы и последующего крепкого сна.

У профессора было прекрасное настроение: с аукциона Императорского Общества Музыкантов и Меценатов он сегодня ушел не с пустыми руками. Вековой давности тетрадь, полная исчерканных записей, лежала перед ним на столе. Работа по расшифровке предстояла большая. Но загадки редко бывают легкими, не в том ли их прелесть?

Герр Кавелли удовлетворенно ухмыльнулся отражению в зеркале. Он вспомнил, как ловко выхватил дневник прямо из-под носа у щеголеватого английского джентльмена, совсем мальчишки, на котором даже непомерно дорогой сюртук висел мешком. Сколько ни набивал цену, лот уплыл, и подделом. На кой черт *такое* снобам-англичанам? То ли дело он, Кавелли... Зброшенный в Австро-Венгрию соотечественник того, чьей рукой заполнены потрепанные страницы, того, о ком ухитряются так много шептаться, доподлинно не зная ничего и потому пережевывая лишь глупости.

Иди на мой голос

От сквозняка пламя свечи изменило форму, превратившись в спираль; Кавелли даже показалось, что силуэт напоминает скрипичный ключ. Он замороженно протянул руку, повел над переливающимся музыкальным знаком ладонью. Прекрасно. Жарко... больно... не оторваться. Сколько он себя помнил, огонь притягивал его взгляд. Подвижный, горячий, уничтожающий на пути все преграды — таким в юности хотел быть сам Кавелли. Повзрослев, он предпочел стать кем-то более скучным и статичным — профессором музыки. Осеть на одном месте и, уж конечно, никого не уничтожать, зачем?

Но одно глубоко засело в поседевшей голове — любовь к огню. Профессор работал при свечах, игнорируя газовые рожки. Не выбрасывал бумаги, предпочитая сжигать их в камине. Сжигать и смотреть, как они чернеют. Это завораживало и одновременно пугало: часто он ловил себя на желании сжечь что-то *другое*. Что-то, что будет гореть не пару мгновений, как бумага, а долго, как самая искренняя любовь и самая жгучая ненависть. И не оставит даже пепелища. Каждый раз, представляя себе это, Кавелли испытывал странное возбуждение. Весь его мир сужался до жаркого язычка пламени. Кто знает, может, однажды он просто не сможет противостоять дикому искушению. Но пока...

— Фло! — Капризный голосок выдернул из мыслей. — Иди сюда, солнышко, я соскучилась!

Не каждому в пятьдесят восемь лет удавалось жениться на таком ангеле, как Пэтти-Энн, да еще любить ее так страстно. И остальное должно было подождать.

— Иду, сладкая, — привычно отозвался он и покинул кабинет.

Три свечи одна за другой погасли. Ветер заполнил комнату.

«...Я вижу себя со стороны. Не призраком во мле сна и не точным отражением в зеркале яви. Я знаю: это иллюзия, душа моя все еще заперта в оболочке. Возможно,

Э. Раба

так начинается болезнь. Да, наверняка я болен, и моя черная фигура на белом холме, фигура, на которую я смотрю собственными глазами, — первое приветствие сумасшествия. С сумасшествием я еще сойду в поединке, не усташусь. Меня ничего больше не страшит. Может ли быть что-то страшнее?

“Убейте меня”.

Я закрываю глаза; это не помогает. На ресницы падает снег.

Я заточен в странные, ирреальные, какие-то картинные штрихи. Темные штрихи на фоне белесой пустоши. Рядом — голые деревья и лента обледенелого Дуная, но я высоко поднимаю голову. Забыл закутать горло, его царапает боль, а плащ полощется на ветру. Ветер не оставляет в покое волосы. Говорят, там прибавилось седины за последнее время. Что ж, может быть. Я устал. Скоро наконец отрежу их, как подобает. Я уже не юнец, можно признать. Увидел сорок одну весну, век бежит вперед и постепенно оставляет меня позади. Как быстро он бежит.

“Умоляю...”

Я смотрю вверх.

Дальше по течению большой город хохлитесь и прячется в бесчисленные меховые воротники. Город только пробует дышать после вполне обычной, но в этом году небывало губительной эпидемии воспалительной лихорадки, или как медики зовут все эти симптомы, начинающиеся с простывания на ветру, а заканчивающиеся общей могилой на пять-шесть человек?

Смерть беспощадна и жадна, но сейчас отступила. Она уходит довольная, собрав большую жатву. В снеге почернелых колосьев один горит золотом. Я хотел бы вернуть его, но у колоска уже нет корня. Он срезан, а не вырван.

Смерть забрала его. Он, так же, как и многие наши несчастные сограждане, наспех закопан в общей могиле.

Уши на мой голос

Я видел: труп ужасно распух, в свете уже шепчутся о таинственном яде. Если бы только они слышали...

“Я не могу больше!”

Нет. Просто кричат птицы. Кричат птицы над головой, кое-что испугало их. Птицы разрезают небо, исчезают, словно растворяются в снегу. Я забываю о них. Я смотрю вверх, и я знаю, кто бы ни смотрел из-за облаков в ответ, он утонет в провалах моих зававших глаз и раскается в сотворенном.

“Тот человек... в черном... это все он...”

Я не закрываю уши. Измученный голос будет жить в голове. Мне не спрятаться, я не уверен, что хочу. Просто однажды, когда придет время, я усну, и тогда наступит тишина. Благодатная сладкозвучная тишина. За ней будет свет. Цветы. Готические окна и океан. Мы поговорим снова, я услышу его скрипку и смех в ответ на справедливое обвинение: “Ну куда же? Куда вы ушли так рано, разве не понимали, с чем оставляете мир?”

Я по-прежнему смотрю вверх. По холодному своду скользит долгоданный корабль. Вот оно, чудо, обещанное дожем еще к началу ноября. Летучий фрегат с белоснежными парусами движется быстро и будто посмеивается над непогодой. Кто ведет его? Конечно же, они, вряд ли в Сиятельной есть уже иные пилоты.

Корабль кажется сказкой или легендой. Как и загадочные особы, построившие его, как и маленькое дерзкое государство, которое я зову родиной. Многие пророчили: однажды с Венеции спросят за ее мрачные тайны, однажды она умрет, уйдя под воду. Вместо этого она поднялась к облакам. И что бы ни случилось, я радуюсь, видя ее полет.

Корабль стремится к городу. Император встретит юных капитанов, Марию и Джильолу, с почестями. Будет бал, будет смех, будут играть веселые марши моего сочинения. Небывалое событие, прорыв в науке, искусстве

Э. Радби

и вере, сравнимый по значимости разве что с открытиями Галилея. Яркая новость, такая, что совсем оттенила другое. Срезанный колосок.

Он не дожил до того, чтобы увидеть первый в мире летающий корабль, ничтожные две недели. Он должен был быть со мной, там, в сиятельном Хофбурге, подле его величества и придворных. Он должен был смеяться, кутаться в воротник, подносить ладонь козырьком к глазам, ругая светлое зимнее небо, где ничего не разглядеть, а юный Карл Томас должен был сидеть на его плечах.*

Но мой бедный друг, безобразно распухший и присыпанный известью, чтобы гнить быстрее, лежит в общей яме. О нем шепчутся. Его супруга со дня похорон в беспмятстве и не узнает собственных детей. А я стою здесь и даю крик о том, что летучий корабль, носящий имя сто двадцатого венецианского дожа Лодовико Манина, должен носить его, его имя, ведь он так мечтал о полете в последние свои дни, и полетом были его творения.

Я больше не притронусь к этим страницам, на которых живет теперь смерть. Когда-нибудь я найду силы уничтожить их, чтобы не вспоминать.

Я возвращаюсь домой. Упокой Господь его душу».

(1791 г. от Р. Х.)

* Хофбург— главная резиденция императора в Вене. — Здесь и далее примечания автора.

Интродукция.
Знакомство
(Учеб. 1890 года, Индия)

Впервые в жизни мне пришла в голову философская мысль и нашла не лучшее время, чтобы прийти: раненный в живот, я лежал на раскаленной земле, смотрел в бледное небо и прикидывал, сколько мне осталось его видеть. Судя по тому, как промокла от крови одежда и как отстукивало в висках, — недолго.

Мысль заключалась в простом запоздалом осознании: Индия, которую мы, англичане, считали безропотным раем, на деле была дремлющим тигром. Нет, даже не дремлющим. За- таившимся для прыжка.

Прыжок совершили: на меня, резидента провинции Агра, напали вооруженные повстанцы. Они выбрали удачный момент, когда я возвращался из длительного путешествия почти без сопровождения. *Индийский тигр* уничтожил моих прекрасно вооруженных спутников из префектуры. Лишь по случайности «тигр» этот не отнял мою жизнь, а только оставил во рту соленый вкус крови. Голова пульсировала болью. Но даже в ту минуту я обещал себе, что смуглые обезьяны поплотятся. Пары кораблей Карательного Воздушного Корпуса будет достаточно, когда я доберусь до города. А я доберусь.